

Н. В. Сердобольская

ОДУШЕВЛЕННОСТЬ И МАРКИРОВАНИЕ ПРЯМОГО ДОПОЛНЕНИЯ В БЕСЕРМЯНСКОМ КОРПУСЕ*

В удмуртском языке на выбор оформления прямого дополнения оказывают влияние определенность (референциальный статус), одушевленность и квантификация. В бесермянском, согласно полевым данным, наиболее значим фактор референциального статуса. Настоящая работа представляет результаты корпусного исследования маркирования прямого дополнения: ставится цель проанализировать, как именно взаимодействуют факторы одушевленности и референциального статуса. Для каждого из значений данных параметров формулируются отдельные правила.

Ключевые слова: вариативное оформление прямого дополнения, бесермянский, прямое дополнение, аккумулятив, посессив, определенность, одушевленность, референциальный статус, неодушевленность, неопределенность, экзистенциальный статус, нереферентный статус.

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-2-205-215

1. Введение

Вопрос о выборе оформления прямого дополнения (далее: ПД) в удмуртском языке, как и в других финно-угорских языках, широко обсуждается в литературе, см. обзор в [Кондратьева 2002; 2010]. Как известно, в пермских языках ПД может выступать с показателем аккумулятива или без него, а также присоединять посессивные показатели, которые могут использоваться для выражения и посессивного отношения, и шире – для обозначения определенности, а также различных коммуникативных и дискурсивных значений. Ср. (3) из бесермянского диалекта (наречия, см. [Кельмаков 1998; 2003]), где показатель второго лица отсылает к персонажу (старик) и (4), где показатель третьего лица обозначает предупомянутость объекта в контексте.

Удмуртский (бесермянский)

(1)	<i>Ӝичѳ</i>	<i>аӝ-и-з</i>	<i>кѳсь пу-ӝӝ...</i>
	лиса	видеть-PST-3(SG)	берѳза-ACC

‘{Волк пошёл [искать дерево, чтобы сделать оглоблю для телеги], принѳс берѳзу.} Лиса увидела **берѳзу** (и ругает волка).’ [КБТ]

(2)	<i>Уй-ѳн</i>	<i>нѳл-ѳз</i>	<i>гур</i>	<i>ѳст-и-з.</i>
	ночь-LOC	девочка-P.3(SG)	печь	топить-PST-3(SG)

‘Ночью девушка растопила **печь**.’ [КБТ]

* Работа поддержана грантом РНФ № 18-18-00462. Автор приносит благодарность участникам конференции «Язык, история, культура бесермян: состояние и перспективы исследований» (Глазовский государственный педагогический институт имени В. Г. Короленко, 20–21 апреля 2018 г.) за обсуждение и комментарии.

- (3) *Ну* *нөл-дэ* *та-т-өсь* *чашья-е* *гу-э.*
нести(IMP.SG) дочь-ACC.P.2(SG) ЭТОТ-OBL-EL лес-ILL яма-ILL
'{Мачеха велела старику:} [Вези **свою дочь** отсюда в лес, в землянку.]' [КБТ]
- (4) *Вал=но* *копоть-сэ* *сий-э=ке* *көз-э.*
лошадь=ADD ПЫЛЬ-ACC.P.3(SG) есть-PRS.3SG=если кашлять-PRS.3SG
'{В сено попала пыль.} И вот когда лошадь ест (**эту**) **пыль**, то кашляет.' [КБТ]

Кроме того, прямое дополнение может оформляться специальным показателем аккузатива множественного числа *-тө*:

- (5) *Со* *вельт-э* *чашья-е* *чөжсь-ёс-тө* *өб-өл-өнө.*
тот ходить-PRS.3SG лес-ILL утка-PL-ACC.PL стрелять-ITER-INF
'Он часто ходит в лес стрелять уток.'

Данный показатель находится в дополнительном распределении с посессивным:

- (6) *Вася* *пөдь-ёс-сэ* *котт-и-з.*
Вася нога-PL-ACC.3(SG) промочить-PRT-3(SG)
'Вася промочил ноги.'

В грамматиках и работах по литературному удмуртскому языку обсуждаются основные факторы, релевантные для выбора между аккузативом и отсутствием оформления: это – определенность, одушевленность ПД, квантификация ПД и его полный/частичный охват действием [ГСУЯ: 93; Csucz 1990, 34; Winkler 2001, 20, 46; Кондратьева 2002; 2010; 2011]. Что касается посессивных показателей, исследователи приводят целый ряд функций, включая определенность, ласкательное значение, звательную, анафорическую функции, синтаксическое (согласование с модификатором именной, числовой группы или нефинитной предикации), этическое значение (ассоциативное отношение именной группы к слушающему), см. [Алатырев 1970; Кельмаков 1996; Fraugud 2001; Suihkonen 2005; Едыгарова 2010; Winkler 2011, 65–66; Кузнецова 2012].

Мы ставим задачу уточнить вес факторов, влияющих на оформление ПД в бесермянском диалекте (наречии) удмуртского языка. Значимость фактора референциального статуса (включая противопоставление по определенности/неопределенности) подтверждается данными эликации, см. [Сердобольская, Толдова 2012], в то время как роль одушевленности ПД не вполне ясна. После возникновения корпуса бесермянских текстов стало возможным провести количественные оценки для разных значений показателей и применить статистические методы обработки результатов. Ниже мы попытаемся определить, как соотносятся между собой факторы одушевленности и определенности при выборе оформления ПД в бесермянском.

Материал исследования – 3 тыс. предложений из корпуса разговорных текстов на бесермянском диалекте (наречии) (далее: КБТ – корпус бесермянских текстов), разработанного Т. А. Архангельским. Корпус доступен на сайте http://beserman.ru/corpus/search/?interface_language=ru. В настоящей работе мы будем анализировать в основном показатели аккузатива (единственного и множественного числа) и отсутствие оформления. Распределение аккузатива и посессивных маркеров остается за рамками данного исследования (см. об этом [Сердобольская 2017]).

2. Одушевленность и выбор маркирования ПД

Исследования, посвященные литературному удмуртскому, приводят список факторов, влияющих на оформление ПД. Это, в первую очередь, определенность ПД [ГСУЯ: 93; Csucz 1990, 34; Winkler 2001, 20; Кондратьева 2002; 2011]; квантификация (полный охват действием), одушевленность [Winkler 2001, 46; Кондратьева 2010] и партитивность ПД [ГСУЯ; Кондратьева 2002, 2011; Winkler 2011, 46]. То есть определенные одушевленные ПД, обозначающие

целое, маркируются аккумулятивом с большей вероятностью, чем неопределенные неодушевленные ПД, обозначающие часть целого.

Квантификация и партитивность, очевидно, играют роль только для названий веществ и под. Для большинства существительных релевантны факторы одушевленности и определенности: вопрос в том, какое маркирование выбирается, если данные факторы действуют разнонаправленно, например, для одушевленных неопределенных ПД или для неодушевленных определенных ПД. Э. Винклер пишет, что аккумулятив – это «показатель определенного ПД», в то время как «одушевленность также играет роль» [Winkler 2011, 45–46]. Н. В. Кондратьева [2010] формулирует правило, согласно которому одушевленные ПД оформляются аккумулятивом, а неодушевленные могут маркироваться аккумулятивом или выступать без оформления в зависимости от определенности.

Полевые исследования языка бесермян показывают важность фактора референциального статуса. Совместно с С. Ю. Толдовой нами проводился опрос, исходя из референциальных типов, выделенных Е. В. Падучевой [1985]; результаты исследования показали, что носители предпочитают оформлять определенные ПД аккумулятивом или посессивом (выбор между двумя последними средствами описан в работе [Сердобольская 2017]), в то время как неопределенные и нереперентные ПД чаще всего выступают без оформления (см. подробнее [Сердобольская, Толдова 2012]). Далее мы будем отсылать к описанной тенденции как «правилу референциального статуса».

Опрос показал, что одушевленность, по-видимому, не оказывает решающего влияния на выбор маркирования: в принципе нет строгих грамматических правил и любой тип оформления допускается и для обозначений людей и животных, и для неодушевленных.

В настоящей работе мы уточним эти выводы, используя данные корпуса бесермянских текстов. Итак, наша основная задача формулируется следующим образом: определить, насколько фактор одушевленности важен для оформления ПД в бесермянском, и как именно он взаимодействует с фактором определенности (шире, референциального статуса). Для этого мы провели пилотное исследование 3 тыс. предложений из бесермянского корпуса. Всего выявлено 680 именных групп в позиции ПД; данные именные группы размечены по параметрам одушевленности и типа маркирования (далее мы добавили параметры разметки для некоторых подгрупп). Количественные данные представлены на диаграмме 1* и в табл. 1.

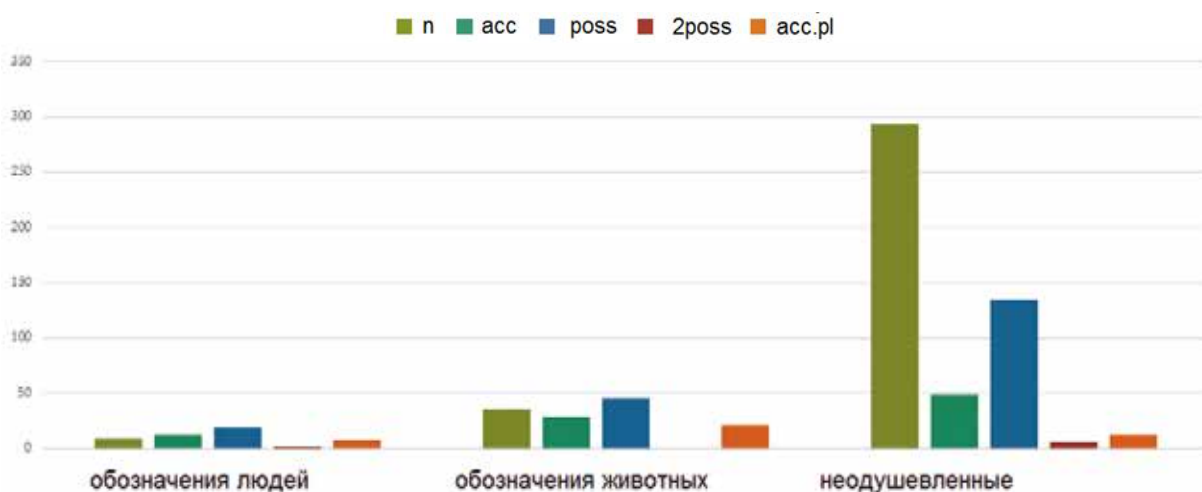

Диаграмма 1. Распределение различных типов маркирования ПД в бесермянском устном корпусе в зависимости от одушевленности (на 3 тыс. предложений, 680 именных групп в позиции ПД)

* Обозначения: poss – посессив, 2poss – посессив 2-го лица, n – немаркированное пд, acc – аккумулятив, acc.pl – аккумулятив множественного числа. посессив 2-го лица рассматривается отдельно в силу того, что показатели 2-го лица имеют особые дискурсивные функции, которые влияют на их распределение.

Таблица 1

Распределение типов маркирования ПД в зависимости от одушевленности

$\chi^2=103.18, df=6, p<.0001^*$

Одушевленность ПД	2POSS	POSS	N	ACC	ACC.PL	Итого
Обозначения людей	1	19	9	17	8	54
% (по строке)	2 %	35 %	17 %	31 %	15 %	
Обозначения животных	0	45	33	29	21	128
% (по строке)		35 %	26 %	23 %	16 %	
Неодушевленные	6	135	295	50	12	498
% (по строке)	1 %	27 %	59 %	10 %	2 %	
Итого	7	199	337	96	41	680

Как можно видеть, в целом ни один из классов одушевленности не накладывает строгих ограничений на выбор показателя (за исключением использования показателя 2-го лица посессива для одушевленных). Статистическая оценка показывает значимость наблюдаемых в таблице количественных различий. Чтобы определить, какие именно комбинации параметров значимы, мы применили метод стандартизованных остатков, который показал, что значимые отклонения наблюдаются в столбцах «нет оформления», «аккузатив» и «аккузатив множественного числа», в то время как распределение посессивных маркеров соответствует нулевой гипотезе (о независимости параметров «тип показателя» и «одушевленность»). В табл. 1 полужирным отмечены поля, где количество примеров значимо выше ожидания, а курсивом – поля, где количество примеров значимо ниже ожидания. Иными словами, неодушевленные имена показывают высокое количество неоформленных ПД и низкое количество ПД в аккузативе (единственного и множественного числа), а одушевленные – ровно наоборот. При этом обозначения людей и животных ведут себя приблизительно одинаково, несмотря на различия в процентном соотношении (17 % неоформленных среди обозначений людей и 26 % среди обозначений животных).

Все неоформленные одушевленные ПД являются неопределенными или нереферентными, что в целом подтверждает правило референциального статуса, сформулированное выше. Однако далеко не все ПД с такими референциальными свойствами выступают без оформления; ср. (7) с неопределенным и (8) с нереферентным ПД:

(7) *кут-и-з-ө* *со-ос* *луд* *чөж-эз* *и* *со-е* *си-и-з-ө.*
схватить-*PST-3-PL* тот-*PL* поле утка-*ACC* и тот-*ACC* есть-*PST-3-PL*
'(Волк и медведь проголодались.) Поймали они дикую утку и съели.' [КБТ]

(8) *сё,* *лушка-ськ-ись-ёс-тө* *кут-о.*
всё воровать-*DETR-PTCP.ACT-PL-ACC.PL* схватить-*PRS.3PL*
'(Постоянно происходят кражи, раз в месяц милиция приезжает.) 'Всё, ловят воров.' [КБТ]

Следовательно, действуют какие-то дополнительные факторы, регулирующие выбор оформления в этих контекстах. Чтобы выявить эти факторы, мы проанализировали все примеры с неоформленными одушевленными ПД. Рассмотрим несколько примеров:

(9) *күйиң* *пинял* *вай-и.*
три ребёнок приносить-*PST(1SG)*
'Я родила троих детей.' [КБТ]

(10) *президент* *бөрй-эм* *бер-э...*
президент выбирать-*NMLZ* задняя.часть-*ILL*
'После избрания президента (всё пошло по-другому).' [КБТ]

* Мы не учитывали столбец "2POSS" при подсчетах, поскольку он включает слишком низкие количественные показатели.

- (11) *a мужик тон шедь-т-ө.*
 а муж ты найтись-CAUS-IMP.SG
 ‘(Я не вышла замуж.) А ты себе найди мужа.’ [КБТ]
- (12) *көно эт-исько-м, мөд-мөд-а-мө си-исько-м – ю-исько-м.*
 гость звать-PRS-1PL RECP-RECP-LOC/ILL-P.1PL есть-PRS-1PL пить-PRS-1PL
 ‘Мы приглашаем гостей, едим и пьем друг у друга.’ [КБТ]

На первый взгляд, данные примеры ничто не объединяет. Однако у них есть общее свойство: во всех случаях идет речь о создании нового объекта, не существующего в действительности до момента совершения действия. Например, ребенок появляется на свет после рождения, а президент, муж, гость – это социальные роли, которые человек получает в результате ситуации избрания, приглашения и т.п. Таким образом, создание нового объекта может происходить и физически, и на социальном уровне. Референциальный статус таких объектов, по-видимому, не так просто определить: очевидно, что сами референты существуют в реальном мире (и, возможно, в мире дискурса) и до совершения ситуации, однако в другом качестве. В новом обсуждаемом качестве данные объекты, по-видимому, являются неопределенными. Наиболее сложный случай представляет собой пример (10) – в обсуждаемом тексте говорящий знает, о каком человеке идет речь, и данная именная группа может трактоваться как определенная. Однако данное имя служит не для отсылки к референту, а для описания события «выборы президента» и указания на политический контекст; говорящий не указывает на референт, а поясняет слушающему, что изменение политической ситуации повлекло за собой определенные сдвиги (см. обсуждение прим. 21 в работе [Abbott 2011: 62]). В силу этого мы считаем, что данное имя здесь употреблено интенционально (ср. атрибутивный статус в [Donnellan 1966]) и его статус нереферентный.

Итак, для обозначения людей ситуация создания нового объекта влечет отсутствие оформления; по-видимому, здесь можно наблюдать сужение круга контекстов, охватываемых немаркированной стратегией: от неопределенности/нереферентности к узкому классу лексических сочетаний. Обозначения животных в таких сочетаниях также выступают без оформления, однако, кроме этого, действует и другой фактор. Большая часть примеров с неопределенными ПД, обозначающими животных, кодируют т.н. «типичные ситуации», например:

- (13) *a гурт-өн, гурт-өн живот ворд-исько-м,*
 а домой-LOC домой-LOC скотина держать-PRS-1PL
со-ос-өн тоже төрм-э уж.
 тот-PL-INS тоже исполняться-PRS.3SG работа
 ‘А дома, дома скотину держим, с ней хватает работы.’ [КБТ]
- (14) *со бер-э ужа-й кладовщицей, запчасть-ёс дор-өн, көк ар,*
 тот зад-ILL работать-PST(1SG) кладовщицей запчасть-PL около-LOC два год
сре опеть скал көск-өл-и, тямөс ар.
 потом опять корова доить-ITER-PST(1SG) восемь год
 ‘Потом два года работала кладовщицей при запчастях, потом опять коров доила, восемь лет.’ [КБТ]

Речь идет о лексических сочетаниях глагола с ПД, которые обозначают ситуации, происходящие с высокой частотностью (напр., «доить корову», «держат скотину», «пасти овец/коров», «ловить рыбу» и т.п.). Предположительно, данные лексические пары закрепляются, а имя в них частично инкорпорируется (обычно в таких сочетаниях нет других зависимых и показателей – в частности, показателей множественного числа). Опускание показателя ПД в таких сочетаниях описано в работе [Сердобольская, Толдова 2013] на материале коми-зырянского; см. тж. [Кретов 1992] о релевантности выделения таких лексических пар для русского языка.

Итак, одушевленные ПД чаще всего маркируются аккумулятивом. Не маркируются неопределенные или нереферентные ПД, которые вместе с глаголом образуют лексические пары «создание нового объекта» или «типичная ситуация». Перейдем к рассмотрению неодушевленных ПД.

3. Неодушевленное ПД

Как видно из табл. 1, неодушевленные ПД в 59 % случаев выступают без оформления (отклонение от ожидаемого значения статистически значимо). В случаях неопределенных или нереперентных групп данный выбор можно объяснить референциальным статусом ПД. Однако отсутствие оформления возможно и для определенных именных групп, упомянутых в непосредственном предтексте:

- (15) машина [нрзб] *мар* *кар-э,* *басьт-о-д,*
 машина *** что *делать-PRS.3SG* *брать-FUT-2(SG)*
ужа-л-о-д *вёлдө,* *басьт-и* **молоковоз.**
работать-EXP-FUT-2(SG) *ведь* *брать-PST(1SG)* *молоковоз*

‘Потом мне машину дали, типа молоковоз. С машиной что делать – возьмёшь, будешь работать, я взял **молоковоз.**’ [КБТ]

- (16) *кө-т-өсь* *со* *аэ-и-э* *пичи=гес* **корка.**
где-OBL-EL *тот* *видеть-PST-3(SG)* *маленький=CMPR* *дом*

‘(С ели посмотрел кругом, посмотрел и увидел... маленький домик. Солдат с товарищем опять идут вперёд, туда,) где он увидел маленький домик.’ [КБТ]

В (15) и (16) ПД *молоковоз* и *корка* отсылают к участникам, упомянутым в предыдущем дискурсе; соответственно, в этих случаях ожидался бы аккузатив. Однако оба ПД выступают без оформления. Таким образом, неодушевленность ПД оказывается важнее, чем фактор определенности.

Встает вопрос, что обуславливает выбор оформления для тех 62 случаев, когда неодушевленное ПД оформляется аккузативом (единственного и множественного числа). Мы предположили, что на выбор оформления влияет структура именной группы, т.е. наличие в ней модификаторов разного вида. Самые грубые подсчеты показывают, что данный фактор, действительно, имеет значение, см. табл. 2.

Таблица 2

Распределение типов маркирования ПД в зависимости от состава именной группы*

$$\chi^2=9.62, df=2, p=0.0081$$

Неодушевленные ПД	Нет маркирования	Аккузатив	Посессив	Итог
ПД, состоящие из одной вершины	285 53 %	98 18 %	156 29 %	539
ПД с модификаторами, зависимым именем и т.п.	50 38 %	33 25 %	49 37 %	132

Фактор состава именной группы статистически значим; анализ стандартизованных остатков показывает, что наиболее релевантны поля второй строки. Иными словами, именные группы, которые содержат какой-либо еще материал, кроме вершины, показывают значимо низкое число ПД без маркирования и значимо высокое количество ПД с аккузативом и посессивом.

Очевидно, что данная оценка очень грубая, т.к. разные типы модификаторов требуют различного оформления – например, хорошо известно, что указательные местоимения обычно требуют аккузатива, а неопределенные местоимения – нет (ср. [Кондратьева 2011, 42; Winkler 2011, 45]); зависимое в генитиве обычно требует посессива на ПД [Serdobolskaya, Usacheva, Arkhangelskiy 2019]. Рассмотрим более подробно результаты по различным типам модификаторов в ПД (здесь мы включаем в рассмотрение посессивные показатели ПД, хотя и не будем подробно останавливаться на правилах выбора между посессивом и аккузативом).

* В настоящей таблице не учитываются имена собственные.

Таблица 3

Состав именной группы и выбор оформления ПД

Состав именной группы	Нет оформления	Аккузатив	Посессив	Итог
указательные мест.	4	11	9	24
относительное предложение	0	1	0	1
вопр. слово (что это за...)	0	1	0	1
квантор всеобщности	0	1	3	4
генитивное зависимое	0	0	10	10
неопределенное мест.	6	1	3	10
«вот» (введение нового участника)	2	0	0	2
прилагательные	23	6	8	37
причастия	0	2	0	2
числительные	6	2	0	8
«много»	1	5	0	6
конструкция соположения	4	3	11	18
нумеративные группы	4	0	5	9
Итог	50	33	49	132

В табл. 3 строки сгруппированы в зависимости от того, как данный элемент влияет на референциальные характеристики именной группы. В частности, первые четыре строки (указательные местоимения, вопрос относительно уже определенного объекта «что это за» и т.п.) содержат средства, указывающие на определенность. Во всех этих случаях говорящие преимущественно используют аккузатив или посессив. Есть четыре примера, где нет оформления, однако в трех из них аккузативом оформляется само указательное местоимение (*mae/coe* ‘этот/тот-асс’ + N). Такая конструкция может трактоваться как две различных именных группы, разделенных, например, хезитацией (“эту”... N...) или развитие новой конструкции, где аккузативом оформляется не вершина, а модификатор. Обе точки зрения, а также степень естественности данных примеров требуют уточнения с носителями.

Далее мы выделили отдельно строку с генитивным зависимым, всегда требующим посессива на вершине вне зависимости от референциального статуса (см. [Serdobolskaya, Usacheva, Arkhangelskiy 2019]).

В третью группу вошли модификаторы и контексты, вводящие имена с неопределенным референциальным статусом (*odïg* ‘один’, *marke* ‘какой-то’, *nomørэ* ‘никакой’, *тинь* ‘вот’ (с указанием на новый в мире дискурса объект)). В большинстве случаев при таких модификаторах ПД не оформляется; показатель посессива появляется в контексте выбора одного объекта из группы.

В целом выбор показателя ПД в этих случаях описывается правилом референциального статуса. Однако для четвертой группы контекстов данное правило, очевидно, не работает: ПД с прилагательными, числительными и др. могут быть и определенными, и неопределенными. Несмотря на это, оказывается, что такие именные группы существенно чаще выступают с аккузативом (посессивом), нежели ПД, состоящие из одной вершины. В частности, в корпусе бесермянских текстов есть экспериментальные материалы, содержащие перевод и пересказ русских сказок. В них несколько раз встречаются однотипные контексты неопределенных одушевленных ПД с модификатором *трос* ‘много’:

- (17) *трос* *чашья-ез* *погөрь-я-з*.
 много лес-асс свалить-MULT-PST-3(SG)

‘(Медведь пошел искать дерево, чтобы сделать оглоблю.) Много деревьев повалил.’ [КБТ]

- (18) *трос* *чашья-ос-тө* *погөръ-я-з.*
много лес-PL-ACC.PL свалить-MULT-PST-3(SG)
'Много деревьев повалил.' [КБТ]

Несмотря на то, что ПД во всех этих случаях неопределенное, во всех 5 случаях говорящие употребляют в этом контексте аккузатив (один раз – множественного числа).

ПД с нумеративными группами (группы с числительными и именами меры, например, «3 стакана воды») также существенно чаще выступают с посессивом, чем ПД, состоящие из одной вершины (зафиксировано 5 случаев из 9, т.е. более чем в половине примеров из корпуса):

- (19) *одйг* *бутылка* *анакө* *бась-т-и-з-ө,* *сур-мө* *вал* *на...*
один бутылка самогон братъ-SMLF-PST-3-PL пиво-Р.1PL быть.PST ещё
'А они взяли с собой бутылку самогона, пиво у нас уже было (и вот мы там сидели, всё это пили).' [КБТ]
- (20) *васък-и=но,* *лена-лө* *иу-э* *вай=ка=ни*
спускаться-PST(1SG)=ADD Лена-DAT сказать-PRS.3SG давать-SG=HORT=AUTOCIT
одйг *стакан* *вина-дэ.*
один стакан водка-ACC.P.2(SG)
'Спустился, говорю Лене, дай, мол, один стакан водки.' [КБТ]

Данные два примера взяты из разных текстов, записанных от одного и того же говорящего. В первом случае ПД – неопределенное (оно упоминается в тексте впервые), а во втором – экзистенциальное, т.к. неизвестно, будет ли в принципе иметь место описываемая ситуация. Исходя из правила референциального статуса, в обоих примерах ожидалось бы отсутствие маркирования. Однако в первом случае рассказчик не маркирует ПД, а во втором – использует посессив.

Исходя из данных таблицы 3, мы предполагаем, что помимо референциального статуса и одушевленности, для выбора оформления ПД релевантен фактор «тяжести» именной группы: «легкие» ПД (состоящие из одной вершины) чаще выступают без оформления, нежели более «тяжелые» (т.е. группы, содержащие нумеративы или квантификаторы).

Выводы

В работе анализируется одушевленность как фактор, предположительно влияющий на выбор оформления ПД в бесермянском диалекте (наречии) удмуртского языка. Корпусные данные (проанализирована выборка в 3 тыс. предложений, всего 680 примеров с ПД) показывают, что данный фактор действительно крайне важен для выбора оформления, хотя и не налагает строгих ограничений. Правила для одушевленных и неодушевленных имен в позиции ПД формулируются различным образом:

А. Одушевленные ПД:

- определенные ПД маркируются аккузативом (посессивом);
- неопределенные/нереферентные ПД не маркируются, если они входят вместе с глаголом в лексические пары «создание нового объекта» или «типовая ситуация».

Б. Неодушевленные ПД:

- неопределенные/нереферентные ПД чаще всего не маркируются;
- определенные ПД маркируются приблизительно в половине случаев;
- ПД, включающие выражения, меняющие референциальный статус (указательные местоимения, неопределенные местоимения, релятивные обороты), более строго следуют правилу референциального статуса, нежели ПД, включающие одну вершину;
- вероятность маркирования ниже для «легких» ПД (состоящих из одной вершины), чем для «тяжелых» ПД, вне зависимости от референциального статуса.

Таким образом, в бесермянском и референциальный статус, и одушевленность ПД влияют на оформление ПД. При этом ни один из этих факторов не может считаться основным: должны учитываться разные комбинации значений данных факторов, т.к. для них действуют правила разной степени строгости.

ЛИТЕРАТУРА

- Алатырев В. И.* Выделительно-указательная категория в удмуртском языке. Ижевск: Удм. НИИ истории, экономики, литературы и языка, 1970. 74 с.
- ГСУЯ – *Перевощиков П. И., Вахрушев В. М., Алатырев В. И.* (ред.). Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск: Ижевское книжное изд-во, 1962. 375 с.
- Едыгарова С.* Категория посессивности в удмуртском языке. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2010. 289 с.
- Кельмаков В. К.* Формы субъективной оценки имен существительных в удмуртском языке // *Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum III*. Jyväskylä, 1996. С. 131–134.
- Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии. Ижевск: Изд-во Удмурт. ун-та, 1998. 386 с.
- Кельмаков В. К.* Бесермянское наречие в системе удмуртских диалектов // *Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка*. Ч. 1. Ижевск: Удмуртский университет, 2003. С. 99–135.
- Кондратьева Н. В.* Выражение прямого объекта в удмуртском языке (в историко-сопоставительном плане): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск: Удмуртский гос. ун-т, 2002. 22 с.
- Кондратьева Н. В.* Межкатегориальные связи в грамматике удмуртского языка (на материале падежа прямого объекта). Ижевск: Удмуртский университет, 2010. 347 с.
- Кондратьева Н. В.* Категория падежа имени существительного в удмуртском языке. Ижевск: Удмуртский университет, 2011. 257 с.
- Кретов А. А.* «Съедобное-несъедобное», или криптоклассы русских существительных // *Linguistica Silesiana*. 1992. Vol. 14. P. 103–114.
- Кузнецова А. И.* Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках // *Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы*. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 250–252.
- Падучева Е. В.* Высказывание и его соотношенность с действительностью. М.: Наука, 1985. 272 с.
- Сердобольская Н. В., Толдова С. Ю.* Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // *Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы*. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 59–142.
- Сердобольская Н. В., Толдова С. Ю.* Лексические свойства глагола и оформление прямого дополнения в коми-зырянском языке (печорский диалект) // *Лингвистический беспредел-2. Сборник научных трудов к 80-летию А. И. Кузнецовой*. М.: Изд-во МГУ, 2013. С. 164–175.
- Сердобольская Н. В.* Инвариант определенности и дифференцированное маркирование прямого дополнения в бесермянском удмуртском // *Исследования по теории грамматики*. Вып. 8: Дифференцированное маркирование аргументов: материалы к типологии. Acta Linguistica Petropolitana. Vol. XIII / В. А. Плуныя, Р. В. Ронько, А. В. Циммерлинг (ред.). СПб.: Наука, 2017. С. 76–122.
- Abbott B.* Reference: Foundational issues // *Semantics. An International Handbook of Natural Language Meaning*. Vol. 1. Maienborn C., von Stechow K., Portner P. (eds.). Mouton de Gruyter, 2011. P. 49–74.
- Csucs S.* *Chrestomathia Votiacica*. Budapest: Tankönyvkiadó, 1990. 224 p.
- Donnellan K. S.* Reference and definite descriptions // *Philosophical Review* 77. 1966. Pp. 281–304.
- Fraurud K.* Possessives with extensive use: A source of definite articles? // *Dimensions of possession. Typological Studies in Language*. Baron I., Herslund M., Sørensen F. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2001. P. 243–267.
- Serdobolskaya N., Usacheva M., Arkhangelskiy T.* Grammaticalization of possessive markers in the Berserman dialect of Udmurt // *Linguistic possession. New insights from the languages of Europe and North and Central Asia*. (Studies in Language Companion Series). Johanson L., Nevskaya I., Mazzitelli L. F. (eds.). John Benjamins, 2019. In press.
- Suihkonen P.* On the categories and functions developed from the possessive and deictic suffixes in Udmurt // *Lihkkun lehkos! Beiträge zur Finnougristik aus Anlaß des sechzigsten Geburtstages von Hans-Hermann Bartens*. Hasselblatt C., Koponen E., Widmer A. (eds.). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2005. P. 401–432.
- Winkler E.* *Udmurtische Grammatik*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2011. 188 p.

Поступила в редакцию 12.02.2019

Сердобольская Наталья Вадимовна,
старший научный сотрудник,
Институт языкознания РАН,
125009, Россия, Москва, Б. Кисловский пер. д. 1, стр. 1;
старший научный сотрудник,
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина,
Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6,
e-mail: serdobolskaya@gmail.com

N. V. Serdobolskaya

Animacy and direct object marking in the Beserman corpus

DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-2-205-215

In Standard Udmurt, the marking of direct objects is mostly influenced by their definiteness (referential properties), animacy and quantification. According to my field data, in Beserman the referential properties are most significant for the choice between the accusative and the non-marked form. This paper presents the results of a corpus study of direct object marking: it is aimed at revealing, how exactly animacy and referential properties interact in the algorithm of choosing direct object marking. For each value of both parameters different rules are formulated.

Keywords: differential object marking, Beserman Udmurt, direct object, accusative, possessive, definiteness, referential properties, animacy, inanimacy, indefiniteness, reference

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2019, vol. 13, issue 2, pp. 205–215. In Russian.

REFERENCES

- Alatyrev V. I.** *Vydelitel'no-ukazatel'naya kategoriya v udmurtskom yazyke* [Emphasizing-demonstrative category in Udmurt]. Izhevsk, Udm. NII istorii, ehkonomiki, literatury i yazyka, 1970. 74 s. In Russian.
- Edygarova S.** *Kategoriya possessivnosti v udmurtskom yazyke* [Category of possession in Udmurt]. Tartu, Tartu Ülikooli Kirjastus, 2010. 289 p. In Russian.
- Kel'makov V. K.** Formy sub'ektivnoi otsenki imen sushchestvitel'nykh v udmurtskom yazyke [Forms of subjective evaluation of Udmurt nouns]. *Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum III*. Jyväskylä, 1996. Pp. 131–134. In Russian.
- Kel'makov V. K.** *Kratkii kurs udmurtskoi dialektologii* [Short manual of Udmurt dialectology]. Izhevsk, Izd-vo Udmurt. un-ta, 1998. 386 p. In Russian.
- Kel'makov V. K.** Besermyanskoe narechie v sisteme udmurtskikh dialektov [The Beserman dialect in the system of Udmurt dialects]. *Dialektnaya i istoricheskaya fonetika udmurtskogo yazyka* [Dialectology-based and diachronic phonetics of Udmurt]. CHast' 1. Izhevsk, Udmurtskii universitet, 2003. Pp. 99–135. In Russian.
- Kondrat'eva N. V.** *Vyrazhenie pryamogo ob'ekta v udmurtskom yazyke (v istoriko-sopostavitel'nom plane)* [Expression of direct object in Udmurt (in comparative aspect)]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Izhevsk, Udmurtskii gos. un-t, 2002. 22p. In Russian.
- Kondrat'eva N. V.** *Mezhkategorial'nye svyazi v grammatike udmurtskogo yazyka (na materiale padezha pryamogo ob'ekta)* [Intercategorical connections in Udmurt grammar (based on the direct object data)]. Izhevsk, Udmurtskii universitet, 2010. 347 p. In Russian.
- Kondrat'eva N. V.** *Kategoriya padezha imeni sushchestvitel'nogo v udmurtskom yazyke* [Category of nominal case in Udmurt]. Izhevsk, Udmurtskii universitet, 2011. 257 p. In Russian.
- Kretov A. A.** “S'edobnoe-nes'edobnoe”, ili kriptoklassy russkikh sushchestvitel'nykh [Edible vs. non-edible, or cryptoclasses of Russian nominals]. *Lingvistica Silesiana*, 1992, vol. 14, pp. 103–114. In Russian.
- Kuznetsova A. I.** Kumulyatsiya grammaticheskikh znachenii v agglyutivnykh pokazatelyakh: deikticheskie funktsii possessiva v ural'skikh yazykakh [Cumulative encoding of grammatical meaning in agglu-

tinative markers: deictic functions of the possessive in Uralic languages]. *Finno-ugorskie yazyki: Fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formal'nyi i funktsional'nyi podhody* [Finno-ugric languages: Fragments of grammatical description. Formal and functional approaches]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2012. Pp. 250–252. In Russian.

Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'yu* [Utterance and its connection to the reality]. Moscow, Nauka, 1985. 272 p. In Russian.

GSUYA – Perevoshchikov P. I., Vahrushev V. M., Alatyrev V. I. (red.). *Grammatika sovremennogo udmurtskogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Modern Udmurt grammar. Phonetics and morphology]. Izhevsk, Izhevskoe knizhnoe izdvo, 1962. 375 p. In Russian.

Serdobol'skaya N. V., Toldova S. Yu. Differentirovannoe markirovanie pryamogo dopolneniya v finno-ugorskikh yazykakh [Differential object marking in Finno-Ugric languages]. *Finno-ugorskie yazyki: Fragmenty grammaticheskogo opisaniya. Formal'nyi i funktsional'nyi podhody* [Finno-ugric languages: Fragments of grammatical description. Formal and functional approaches]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2012. Pp. 59–142. In Russian.

Serdobol'skaya N. V., Toldova S. Yu. Leksicheskie svoistva glagola i oformlenie pryamogo dopolneniya v komi-zyrianskom yazyke (pechorskii dialekt) [Lexical properties of the verb and direct object marking in Komi-Zyrian]. *Lingvisticheskii bespredel-2. Sbornik nauchnykh trudov k 80-letiyu A. I. Kuznetsovii* [Linguistic lawlessness-2. Festschrift in honour of A. I. Kuznetsova]. Moscow, Izdatel'stvo MGU, 2013. Pp. 164–175. In Russian.

Serdobol'skaya N. V. Invariant opredelennosti i differentsirovannoe markirovanie pryamogo dopolneniya v besermyanskom udmurtskom [The definiteness invariant and differential object marking in Beserman Udmurt]. *Issledovaniya po teorii grammatiki* [Studies in grammar theory]. Vyp. 8: *Differentsirovannoe markirovanie argumentov: materialy k tipologii* [Differential argument marking: materials for the typology]. *Acta Linguistica Petropolitana*, vol. XIII / V. A. Plungyan, R. V. Ron'ko, A. V. Cimmerling (red.). Saint Petersburg, Nauka, 2017. Pp. 76–122. In Russian.

Abbott B. Reference: Foundational issues. *Semantics. An International Handbook of Natural Language Meaning*. Vol. 1. Maienborn C., von Stechow K., Portner P. (eds.). Mouton de Gruyter, 2011. Pp. 49–74. In English.

Csucs S. *Chrestomathia Votiacica*. Budapest, Tankönyvkiadó, 1990. 224 p. In Hungarian.

Donnellan K. S. Reference and definite descriptions. *Philosophical Review* 77. 1966. Pp. 281–304. In English.

Fraurud K. Possessives with extensive use: A source of definite articles? *Dimensions of possession. Typological Studies in Language*. Baron I., Herslund M., Sørensen F. (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2001. Pp. 243–267. In English.

Serdobolskaya N., Usacheva M., Arkhangelskiy T. Grammaticalization of possessive markers in the Beserman dialect of Udmurt. *Linguistic possession. New insights from the languages of Europe and North and Central Asia*. (Studies in Language Companion Series). Johanson L., Nevskaya I., Mazzitelli L. F. (eds.). John Benjamins, 2019. In press. In English.

Suihkonen P. On the categories and functions developed from the possessive and deictic suffixes in Udmurt. *Lihkkun lehkos! Beiträge zur Finnougristik aus Anlaß des sechzigsten Geburtstages von Hans-Hermann Bartens*. Hasselblatt C., Koponen E., Widmer A. (eds.). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2005. Pp. 401–432. In English.

Winkler E. *Udmurtische Grammatik*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2011. 188 p. In German.

Received 12.02.2019

Serdobolskaya Natalia Vadimovna,

Senior Researcher,

Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences,

1 bld. 1 Bolshoi Kislovsky lane, Moscow, 125009, Russian Federation,

Senior Researcher,

The Pushkin State Russian Language Institute,

6, ul. Akademika Volgina, Moscow, 117485, Russian Federation

e-mail: serdobolskaya@gmail.com